

Тайная встреча закончилась глубоко за полночь. Бай Лао едва успел добежать до покоев, чудом не заплутав в запутанных коридорах. Запретность содеянного кусала щёки стыдливым румянцем и не давала восстановить дыхание. Бай Лао оставалось лишь надеяться, что ему удалось убедительно притвориться спящим. Свернувшись под одеялом почти вплотную к стене, он думал, что сопит не слишком громко.

Чуньшен не была той, кого можно было провести так легко. Ей самой потребовалось много времени, чтобы изучить каждый закуток этих замысловатых построек и научиться различать танцы теней, что отбрасывали люди или колышущиеся на ветру фонарики и занавески. Конечно, она заметила преследователя очень быстро, ей просто было любопытно. Она даже порадовалась, что запуганный, тихий мальчик, наконец-то, больше начинает походить на простого ребёнка. Некоторые навыки скрытности, само-собой, нужно будет отточить, отметила она для себя. Она бы могла с лёгкостью поймать его за край рубашки, когда он, сломя голову, бежал в покои. Это никуда не годится.

Бесшумно впорхнув в комнату, Чуньшен оглядела нетронутое задание по каллиграфии — сухие кисти и ни капельки чернил на листах — абсолютный провал. Присев на край кровати, она невесомо провела по тёмным мальчишеским волосам, уже более мягким и ухоженным дорогими маслами. То, как Бай Лао сопел, упорно изображая спящего, позабавило её.

— Если ты думаешь, что я буду ругать тебя...

Бай Лао сжался, окончательно выдавая себя.

—...я не буду этого делать, — вздохнула Чуньшен, положив тёплую ладонь на острое плечо. — По крайней мере, не за излишнее любопытство. В конце-концов, я сама была такой. Но мой тебе совет, научись прятаться лучше. Возможно, и моя жизнь была бы другой, поступи я когда-то таким же образом.

Чуньшен погасила свечи, и запах горячего воска мягко окутал Бай Лао, окончательно убаюкивая.

Время в гареме текло как песок сквозь пальцы — быстро, но однообразно. Дни Бай Лао едва отличались друг от друга — в самый пик пустынной жары он обычно выполнял задания Чуньшен по каллиграфии и чтению; вечерами расчесывал её волосы, к слову, уже довольно неплохо освоив несколько простых причёсок, а после просто бродил по гарему, изучая и запоминая, но неизменно останавливаясь у фонтана во внутреннем дворе, с наслаждением прислушиваясь к его переливчатому хрустальному пению. Иногда, всматриваясь в тени, казалось, он видел золотые отблески в чужих глазах и слышал мягкий звон цепочек, подхваченный блуждающим по закоулкам сквозняком. Всего мгновение. Встреча с Фэн Ся больше не вызвала в нём страха, скорее странное смущение, ведь он так и не извинился за тот случай позорной детской ярости. Он не понимал, почему Фэн Ся продолжал наблюдать за ним, но, вспоминая тёплую улыбку, на которую он, как оказалось, был способен, Бай Лао точно

понимал, что ему это странно нравится. Он был терпелив и знал, что новая встреча обязательно произойдёт, но до тех пор не собирался торопить Фэн Ся выходить из тени.

Интерес остальных наложниц к Бай Лао угас довольно быстро. На него перестали смотреть как на диковинку или как на кого-то, кто мог представлять угрозу. Никто не смел навредить ребёнку, опекаемому одной из княжеских жён, поэтому просто забыть про него оказалось несложной задачей. Даже гаремные евнухи следили за ним спустя рукава, и Бай Лао не терял возможности пользоваться этим, бесцельно разгуливая по павильонам.

В один из вечеров извилистые тропинки вывели его к небольшому дому. У него был собственный сад, источающий крайне приятный аромат по округе, и качающиеся на ветру круглые красные фонарики, завораживающие и манящие. Бай Лао не видел этот дом со своего первого дня во дворце. С тех пор его волосы, едва собирающиеся в короткий хвост, уже почти доставали до лопаток.

Цин Юань улыбнулась, встретив его на пороге со связкой каких-то ароматных сухоцветов. Безупречная в своём тёмно-синем ханьфу, всегда готовая к княжеской аудиенции, она поманила его за собой.

— Какой сюрприз, лисёнок! Смотрю, пребывание в гареме явно идёт тебе на пользу.

Знакомый тяжёлый аромат благовоний и воска десятков свечей подхватил Бай Лао мягкой волной, ложась шёлком на плечи. Запах терпких трав щекотал нос, но Бай Лао нравилось его успокаивающее действие гораздо сильнее лёгкого, ненавязчивого аромата в покоях Чуньшен. Он дышал полной грудью, пока не начала кружиться голова.

Дом Цин Юань не был большим. Почти всё место занимали шкафы с какими-то свитками, древними даже на первый взгляд; под потолком висели пахучие связки сухоцветов, а на полках множество блестящих склянок со всевозможными отварами и настойками. Бегло оглядев их, Бай Лао посетила мысль.

— Мне нужен аконит, — сказал он с твёрдостью, мало присущей ребёнку.

Тот флакон, который он разбил, вряд ли был у Фэн Ся единственным. Но он ведь был воином, а значит лекарственные отвары никогда не помешают. Тем более, Бай Лао увидел в этом хорошую возможность извиниться.

Цин Юань в удивлении изогнула бровь.

— Кажется, мне стоит взять обратно свои слова о пользе пребывания в гареме? Неужто решил так скоро кого-то отравить?

— Это...это не...— Стушевался Бай Лао, почувствовав жар на щеках.

Цин Юань, уже разливающая по глиняным пиалам ароматный жасминовый чай, рассмеялась.

— Присядь, лисёнок. Расскажи мне.

Всё в Цин Юань было каким-то совершенно гипнотическим — движения, плавные и неспешные; голос, мягкий и бархатистый. Она завораживала, не заставляла подчиняться, но легко вела за собой, указывая путь. Её глаза, подёрнутые поволокой древних тайн, манили заглянуть как можно глубже.

Приятная горечь жасмина на языке расслабляла, подталкивая довериться. Пар от чашек клубился в воздухе причудливыми завитками, Бай Лао так хотелось накрутить их на палец. Цин Юань разительно отличалась от Чуньшен. Бай Лао испытывал теплоту к обеим, но в отличие от Чуньшен, убаюкивающей своей почти материнской добротой, Цин Юань его завораживала. Была ли тому причиной его демоническая половина, но лунный свет и танцующие тени всегда казались притягательнее блеска солнечных лучей.

Однако, Бай Лао не был доверчивым ребёнком и не рассказал обо всём, лишь объяснил, зачем ему понадобился аконит.

— Какой же ты очаровашка, Лао-Лао, — улыбнулась Цин Юань, отставив пустую чашку и ущипнув его за щёку, — аконитовых отваров у меня в достатке, конечно, ты можешь взять один.

Маленький стеклянный пузырёк, поблёскивая боками в свете дрожащих свечей, опустился прямо перед ним. Цин Юань, взмахнув широкими рукавами, подперла рукой точёное лицо, загадочно сверкнув глазами из-под смольно-чёрных ресниц.

— Однако запомни, лисёнок, лекарство от яда отделяет всего одна лишняя капля.

Бай Лао, замороженный, утонул в терпком запахе благовоний и воска десятков свечей, в туманных речах чужого голоса и горечи жасминового чая. Он поднял восторженный взгляд и на выдохе произнёс:

— Научите меня. Пожалуйста. Научите.

<http://bllate.org/book/14934/1323632>